- Алекс Кроу
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 9

Алекс Кроу

Неразменный Золотой

(Конан)

1

Конан проснулся в скверном настроении. Всю ночь ему снились колдуны, которые прыгали вокруг него, корчили рожи и безумно хохотали. Он сражался с ними, как лев, однако ни одного не сумел даже ранить, не говоря уж о том, чтоб снести хотя бы пару голов. Но самое неприятное ждало его впереди. Юная прелестница возникла вдруг перед его глазами в самый разгар битвы. Она смотрела на него молча, не улыбалась и не звала, а только протягивала руки, словно взывала о помощи. Конан попытался прорваться к ней сквозь кольцо воющих и рычащих магов; меч его летал и разил, да все без толку. Наконец круг разомкнулся. Варвар бросился к девушке и… Рукою дотронулся лишь до густого вязкого тумана.

Конан некоторое время лежал, скрипя зубами, и, не открывая глаз, морщился, словно только что разжевал гнилой орех. Наконец это бесполезное занятие ему надоело, тем более что призраки сна, видимо, испугавшись его гримас, унеслись в сторону Серых Равнин.

Варвар повернулся набок и подпер могучей рукой черноволосую голову, в результате чего топчан под ним тут же плаксиво пожаловался на судьбу. Взгляд синих глаз Конана обежал каморку, приютившую его на ночь, и остановился на человеке, который, укрывшись с головой каким-то тряпьем, мерно посапывал на грубой циновке в противоположном углу. Была видна лишь его тонкая смуглая рука с обгрызенными ногтями.

– Вставай, крысеныш! - рявкнул Конан. - Ты проспал все на свете!

Ши Шелам высунул наружу нос и мутными глазами уставился на Конана, словно не понимая, кто это, что ему надо и почему он так нагло себя ведет в его берлоге?

– Ты что, не слышал, пройдоха, что я сказал? Вставай! День уже сожрал утро, а мы еще даже не ели! - снова рявкнул Конан и рывком принял горизонтальное положение.

Ши Шелам вздрогнул и мгновенно пришел в себя:

– Жратва-а-а… - мечтательно произнес он. - О-о-о… А как насчет того, чтобы наполнить наши карманы звонкой монетой? Митра давно обгляделся, разыскивая нас, чтобы послать удачу.

– Вздор! Удача всегда с нами.

Ши Шелам был другого мнения, но посчитал неразумным его высказывать. Он уже понял, что его юный гость (ему лет девятнадцать, не меньше - считал Ши Шелам, но точно не знал, хотя они с Конаном

обтяпали уже не одно дельце) находится в дурном расположении духа, а значит, лучше его не злить, ни понапрасну, ни по делу. Иначе, несмотря на общность интересов в иные дни и в какой-то степени дружеские отношения, можно легко схлопотать крепкого тумака. Ха, дружеские! Разве можно назвать таковыми отношения между ушлым заморийским скупщиком краденного в годах и юным горячим киммерийцем, занимающимся воровским ремеслом лишь последние два года? Наверное, можно. Особенно когда в животе в избытке плещется вино.

Ши Шелам, сладко постанывая, потянулся, отчего лохмотья, которым он был укрыт, зашевелились, словно это были не тряпки, давно потерявшие вид и цвет, а полчище насекомых, внезапно пришедших в движение. Конан брезгливо отвернулся и как бы нехотя сказал:

– Не испытывай моего терпения, Ловкач. Я хочу есть, и если через несколько вздохов что-нибудь стоящее не окажется в моем желудке, клянусь Кромом, я разнесу твою вонючую лачугу… - Немного подумав, он добавил. - Или сожру твою печень…

Ши Шелам испуганно зарылся в тряпье, словно оно могло спасти его от этого буйного варвара. Конан усмехнулся:

– Я передумал.

– Ты о моей печени? - робко поинтересовался Ши.

– Угу… - кивнул киммериец. - Уж лучше проглотить кучу навоза.

Взгляд его переместился на колченогий стол, отодвинутый ночью к стене, чтобы освободить место для ложа Ши Шелама.

– Как думаешь, выдержит эта рухлядь хотя бы один мой удар? - он привстал и решительно занес руку.

– Стой, стой! Зачем же сразу мебель ломать?!

Мальчишечье озорство киммерийца не на шутку беспокоило Ши и прежде. Будь Конан поменьше ростом, пожиже плотью и не столь суров, он давно нашел бы на него управу. Может быть.

– Конечно, пора подкрепиться! - затараторил Ловкач. - Я и сам так думаю. А мой стол не трогай, прошу тебя, отважный лев. Сие большая редкость, другого такого не сыщешь ни в Шадизаре, ни во всей Заморе, ни даже в Туране. Сейчас что-нибудь придумаем. Я сам голоден, как Нергал в мгновенья печали. - И он полез под топчан.

– Наши желания начали совпадать. Если и дальше так пойдет, мы, может быть, и поужинаем вместе.

Конан поднялся и поставил стол на середину комнаты. Сделал он это без особого напряжения, но мышцы спины и рук вздулись, являя свою мощь поднявшемуся с колен с горшком в руках Ши Шеламу. Тот видел

подобную картину неоднократно, но неизменно впадал в легкий транс восхищения, поскольку, как и все коренные заморийцы, был невысок ростом и узок в кости. Вот и сейчас он замер с идиотской ухмылкой на тонких губах, только руки крепче сжали горшок.

Конан повернулся и, увидев оторопевшего Ши Шелама, слегка прихлопнул его ладонью по плечу:

– Я же тебе сказал - проснись!

Ши Шелам просел, едва не выпустив из рук посудину с едой.

– Ну, что тут у тебя? - добавил Конан, забирая у Ловкача горшок. Сбросив на пол деревянную плашку, служившую крышкой, и заглянув внутрь, Конан рассвирепел. - Кром! Что это за мерзость?! - его синие глаза уставились прямо в душу Ловкача Ши, и тот мгновенно втянул голову в плечи, опасаясь кулаков своего юного гостя.

– Это тушеные овощи, которые я стянул на позавчера, - пролепетал он.

В тот же миг Конан швырнул горшок в стену и сгреб Ши Шелама за грудки.

– Ты же ночью говорил, что у тебя на утро припасена еда, достойная королей!

– Так я пьян был от твоего вина, вот и преувеличил немного, - попытался свалить вину на киммерийца Ши.

– Немного? - Конан принюхался. - Тут воняет, как в логове сдохшего медведя.

Действительно, горшок, ударившись о стену, разлетелся осколкам по всем углам вместе со своим содержимым, и запах протухших овощей заполнил небольшое помещение, сделав невыносимым и без того спертый воздух.

– Но ты принес такое хорошее вино, что не опьянеть было невозможно, - Ши Шелам сморщил свою крысиную физиономию, словно собираясь расплакаться, - а овощи в тот день, когда я их себе подарил в квартале торговцев, на самом деле были приготовлены для особ королевских кровей. Я ведь в тот вечер съел половину и ручаюсь за свои слова. Кто ж знал, что они так быстро испортятся?

– Тьфу! Сам набивай желудок этим гнильем, а мне пора.

С этими словами Конан приподнял Ши Шелама на локоть от земляного пола, подержал пару мгновений на весу и, словно тряпичную куклу, посадил на топчан. Ловкач только хлопал глазами, а когда Конан надел перевязь с мечом и вышел, чуть не сорвав занавеску, служившую входной дверью, тонко заскулил от обиды. Он ведь не был виноват, что Конан проснулся в ужасном настроении! Наоборот, он ему оказал всякие

почести, как уважаемому гостю. Даже свой топчан уступил.

Насчет топчана Ши Шелам лукавил сам с собой. Дело в том, что, отчаянно храбрый (по его собственному убеждению) днем, ночью он безумно боялся - всего. И демонов, кои кругами бродили вокруг его жилища (опять же по его личному убеждению), и диких зверей, воющих за стенами Шадизара после полуночи, и самого Нергала, который, судя по всему, беспрестанно ломал голову, как бы ему заполучить в свое мрачное царство Ловкача Ши. А потому маленький заморие́ц был несказанно рад, если огромному мощному варвару случалось переночевать в его халупе. Ясное дело, Конан всегда располагался на топчане, хотя тот ему был и короток, и узок, а хозяина отправлял на пол.

Но в данный момент это лукавство помогало Ши Шеламу чувствовать себя правым.

Конан, выйдя из лачуги приятеля, зажмурился: огненный глаз Митры стоял почти в самом зените и в полную мощь изливал на тварей, копошащихся на земле, свою жаркую любовь. Поправив меч, варвар вышел в проулок и направился в сторону Восточных врат. Каких-либо планов на день у него не было, а о ночи думать было еще рано. Все, чего Конан хотел сейчас, это набить желудок. А уж потом можно было пораскинуть мозгами относительно дальнейших дел.

Киммериец шагал широко и уже подходил к восточным воротам, когда услышал позади себя тяжелое дыхание. Он не обернулся. За короткое время, которое ему потребовалось, чтобы выйти из Пустыньки (окраинного района Шадизара, в котором проживал Ши Шелам и другие, подобные ему) собственно к городу, он встретил всего двух прохожих, которые не были достойны никакого внимания по причине своей полной никчемности. Догонявший его человек наверняка ничем от них не отличался, а интуиция подсказывала, что опасности он не представляет. Конан продолжал путь как ни в чем ни бывало и повернул голову в сторону преследователя только тогда, когда тот поравнялся с ним, а ушей киммерийца достигли слова:

– Не гневайся на меня за назойливость, бычий загривок, но мне бы хотелось знать, что испортило тебе настроение настолько, что ты облил мое жилье моими же вонючими овощами?

– Ты поступил разумно, догнав меня, крысеныш. Я тут обдумываю одну идею, в которой есть место и для тебя, и, Кром и молния, если она не хороша, - ухмыльнувшись, сказал Конан, проигнорировав вопрос.

Глаза Ши Шелама загорелись. Еще не зная, о чем идет речь, он тут же представил себе результат воплощения этой идеи в дело - тяжелый кошель с монетами, обильные еда и питье, а также постель с какой-нибудь милой,

но дешевой девицей.

– Можешь на меня рассчитывать, Конан, даже если это будет более чем опасно, - поспешил он заверить киммерийца на случай, если тот вдруг решит, что лучше провернуть дело самому, чтобы не делиться добычей.

– Опасно?! - Конан громко захохотал. - Ну конечно, это может быть очень опасно. Ведь можно захлебнуться вином или подавиться костью. Нет, пожалуй, рискованно брать тебя с собой.

– Ты сначала объясни, что ты задумал. Если опасность слишком велика, я и сам не пойду, - проявил разумную осторожность Ловкач Ши.

– Проще простого. Я иду в таверну Абулетеса, чтобы немного подкрепиться, а заодно хотел и тебя угостить. Как думаешь, это не слишком опасно для такого заморыша как ты? - Конан вновь разразился громким смехом.

– Во-первых, не заморыша, а заморийца. А во-вторых, я же не знал, что ты собрался трапезничать. В этом я всегда готов тебе помочь, даже на Серых Равнинах можешь на меня рассчитывать, - приосанился Ши, удивительным образом успевая при этом смешно подпрыгивать. - Но откуда у нас деньги? У меня и ломаного медяка нет.

Конан запустил руку в шаровары и вытащил потертый кожаный кошель, стянутый у горловины сыромятным засаленным ремешком. Судя по внешнему виду, кошель был пуст, как и желудки двух приятелей, но Конан, помяв его пальцами и ослабив ремешок, выкатил на ладонь монету - это был золотой.

– Видишь, Ловкач? На это мы можем с тобой знатно погулять.

– Ой, проклятье, чтоб тебя Нергал сожрал с потрохами! - вдруг возопил Ши Шелам и присел.

Конан развернулся, его лицо окаменело, а глаза превратились в две синие льдинки.

– Я слышал много предсмертных слов и могу сказать, что твои не отличаются новизной, - процедил он сквозь зубы.

Ши Шелам сидел в пыли и, скособочившись, разглядывал подошву левой ноги, потирая ее пальцем. На Конана он не обращал никакого внимания. Киммериец скрипнул зубами и рывком выхватил меч - наглость этого проходимца возмутила его, подняла с глубин души все осевшие до поры на дно темные варварские инстинкты. Короткая предполуденная тень от его могучей фигуры почти коснулась Ловкача. Тот поднял страдальчески сморщенное лицо и, едва сдерживая слезы, прошелестел:

– Подумать только, такой острый камень - и прямо мне под ногу. О, Конан, за что мне такое мучение? Или Бел больше не любит меня? Или я

чем-то прогневал Митру, что он ослепил мои глаза? - тут Ши Шелам заметил сверкающее лезвие меча. - А зачем тебе меч? Или на нас кто-то собирается напасть?

– Ты оскорбил меня, крысеныш!

– Я? Тебя? - удивился Ши Шелам, с охами да ахами поднимаясь на ноги. - Ты, верно, что-то не так понял, отважный воин. Я наступил на камень, и мне стало так больно, так больно… Поверь, я такой боли никогда не испытывал. Так мы идем в таверну или ты передумал?

Тяжелый взгляд Конана некоторое время не отрывался от лица заморийца, словно варвар раздумывал, убить того на месте или отвести на центральную площадь и лишить жизни при всем честном народе. Наконец как бы нехотя он спрятал меч в ножны, сплюнул в пыль у самых ног приятеля и зашагал в прежнем направлении. Ловкач облегченно вздохнул и двинулся следом.

2

Несмотря на разгар дня и летнюю жару, в таверне Абулетеса стоял полумрак и было прохладно. Это очень нравилось Конану, который вместе с Ловкачом Ши расположился в дальнем углу за покрытым пятнами и изрезанным ножами столом. Причем киммериец сидел спиной к стене, чтобы видеть все, что происходит в таверне, а Ши Шелам устроился напротив него. Перед ними стоял большой поднос с только что зажаренным каплуном, кувшин дорогого красного вина из Шема и две полные до краев тем же вином глиняные кружки. Пустой кувшин и такой же поднос, но с обгрызенными костями предыдущего каплуна Ловкач сдвинул на край стола, откуда их вскоре уволок подавальщик.

Еще одно обстоятельство благотворно сказывалось на нынешнем настроении Конана - в таверне было мало народу. Редкие посетители, завершив трапезу, сразу уходили, а из пяти подавальщиков, обычно работавших в поте лица, когда лавки в таверне ломились от жаждущих насытить свое нутро, при деле было только двое: один вяло бродил по залу, а второй дремал у стойки. Короче, было прохладно и тихо.

С первым блюдом приятели расправились настолько быстро, что будь тот петух живым, он бы успел прокукарекать не более одного раза. Правда, в этом была заслуга одного Конана, оголодавшего, как зембабвийский лев в период засухи. Так что ко второму каплуну Конан приступил не торопясь - взял жирными руками тушку и разорвал ее на две, как он посчитал, равные части. Большую - шею и крылышко - он со всем присущим ему благородством бросил на блюдо перед приятелем, а в меньшую вонзил зубы, такие крепкие, что он сам не заметил, как, отрывая кусок мяса, перекусил петуху пару ребер. Впрочем, тому сие было, конечно, все равно.

Ши Шелам, ничуть не обиженный малой долей, тоже принялся за еду. Ему не так уж много было нужно, чтобы ощутить себя сытым, и он уже почти достиг предела, за которым начинается обжорство. Правда, запивая мясо вином, как сейчас, он бы мог и поросенка съесть, но, увы, поросенка ему никто не предлагал, а жизнь давно научила не привередничать и брать все, что дают.

В скором времени Конан раскусил последнюю кость, высосал из нее сок, бросил на стол и вытер руки о штаны. Ши Шелам не понял, к чему такая чистоплотность, но гадать не стал - Конану видней, что бы он ни делал. По крайней мере, нынче, когда с самого утра настроение юного

киммерийца по непонятным причинам было ужасным. Протухшие овощи Ловкач за причину не считал, еда портилась слишком часто, чтобы из-за этого переживать.

Конан выудил свой кошель, достал золотой и, щелкнув ногтем, подкинул его в воздух. Монета зазвенела, крутясь, ударилась о столешницу, и, пару раз подпрыгнув, улеглась у края стола.

– Эй! - гаркнул Конан во всю мочь. - Еще мяса и вина!

Подавальщик появился сразу, словно соткался перед глазами из воздуха:

– Опять каплуна?

– Кром! Ты хочешь, чтобы я закукарекал? - грозно спросил Конан.

Подавальщик подобострастно поклонился, как бы прося извинения за свою недогадливость. Буйный нрав Конана был ему хорошо известен, поскольку киммериец частенько навещал это место и не всегда уходил с миром. После стычек хозяин таверны с грустью подсчитывал убытки и с гневом обвинял в них слуг, хотя те (на самом деле такие же воры и мошенники, как прочие шадизарцы) в данном случае не были виноваты. Ссоры и драки возникали только между посетителями и только по поводам, ведомым им самим.

– Неси поросенка. И вино не забудь, - велел Конан, запуская пальцы в рот, чтобы выдернуть осколок куриной кости, вонзившийся в десну у самого дальнего коренного зуба. - И не вздумай притащить ту кислятину, которой вы потчуете оборванцев, и которую ты хотел мне подсунуть с самого начала!

– А мы съедим целого поросенка? - вдруг засомневался Ши Шелам, забывший, видимо, что сотню вздохов назад он в своих смелых мечтах как раз на него и замахивался.

– Хоть пять поросят и десять баранов, были бы деньги! - рыкнул Конан и обратил свой взор на подавальщика. - А ты что стоишь? Или у тебя вместо ног ножки от стола?

– Смею ли я спросить об оплате трапезы? - как можно вежливей поинтересовался подавальщик.

– Кром! У тебя не только с ногами, но и с глазами плохо, - Конан указал пальцем на край стола, - это что, по-твоему, лежит? Кусок дерьма или деньги?

Подавальщик, разглядев, из какого металла сделана монета, вдруг обрел жизненную энергию и проворство. Одним движением правой руки он и подхватил пустой кувшин, и смахнул со стола золотой, а другой рукой при этом стал собирать на блюдо разбросанные по столешнице кости, не

забывая бросать на богатого гостя умильные взоры. Конан мрачно наблюдал за ним и, заметив этот взгляд, подавальщик радостно сообщил:

– Вам повезло, о достойные жители Шадизара. Один поросенок из трех, которых мы сегодня насадили на вертела, уже готов. Как раз сейчас его снимают. Еще пара мгновений и он будет красоваться на вашем столе.

– Вот это другой разговор, - удовлетворенно сказал Конан, поднося ко рту кружку с остатками вина.

Когда подавальщик, убрав со стола все ненужное, принес очередной кувшин и удалился за поросенком, Ши Шелам, прихлебывая вино и от этого все больше и больше смелея, спросил как можно равнодушнее, словно суть вопроса не больно-то его интересовала, а спрашивал он просто так, чтобы оказать услугу собеседнику, поддерживая разговор:

– Что тебя так прогневало утром?

Конан отнял кружку от губ:

– Ты меня уже спрашивал, Ловкач.

– Но ответа не дождался.

– И не дождешься.

– Но мы же друзья и должны доверять друг другу, - проявил Ши Шелам настойчивость. Ему очень хотелось узнать эту маленькую тайну.

– Кром! - Конан наклонился вперед и уставился в переносицу Ловкача.

– Уж кому-кому, а детям Бела доверять нельзя, будь они хоть трижды твои друзья.

– Вот как?… - запыхтел Ши Шелам, всем своим видом демонстрируя оскорбленную невинность. - Значит, спать на моем топчане можно, а доверять мне нельзя?

– Нельзя, - авторитетно заключил киммериец. - И не суй свой крысиный нос в чужие дела!

– Твои дела - мои дела, ибо спишь ты на моем топчане как на своем, - продолжал настаивать Ловкач, понимая, что играет с огнем, но будучи не в состоянии остановиться из-за присущего ему с ранних лет болезненного любопытства, которое, кстати, очень часто давало приятелям необходимую для ночных дел информацию. - И мое уютное жилище ты разнес нынешним утром как свое собственное.

Желваки на лице Конана напряглись:

– Я и пальцем не тронул твою жалкую развалину, а если бы тронул, она бы рассыпалась в прах.

Он одним огромным глотком допил вино из кружки и вновь наполнил ее до краев. Ши Шелам ожидал, что Конан вот-вот рассвирепеет, но неожиданно киммериец успокоился и даже немного помягчел (хвала двум

каплунам!):

– Ладно, скажу тебе, Ловкач, коль у тебя зудит в заднице от любопытства. Колдуны мне снились.

– Ну и что?

– А то ты не знаешь. Я им не доверяю. Все они либо выродки Нергала, либо у него на службе. Уж поверь, я их повидал достаточно. Бр-р, отвратительные создания. И давай оставим этот разговор. У меня от него вся жратва наружу лезет.

– Позволь еще спросить, ужель колдуны, да еще ненастоящие, так тебя разозлили?

– Хм-м… Там была еще девушка… Таких я в Шадизаре не видал. Она звала меня, но я не мог подойти. А когда смог, она растаяла, как облако на вершине горы.

– Значит, в скором времени ты встретишь свою любовь, - авторитетно заявил Ловкач.

– Э-э, - остановил его варвар, - ты что, толкователь снов?

– Нет.

– Кром! Я думаю, эта девушка из моей будущей жизни, и кто знает, сколько лет пройдет, пока я встречу ее наяву.

Такой мудрости заморие́ц от юного приятеля никак не ожидал. Он с почтением поглядел на него и надолго задумался.

Вскоре подавальщик принес поросенка, и раздумья Ши прервались сам собой по причине более чем уважительной.

Наконец Конан похлопал себя по тугому животу и, рыгнув, глубокомысленно изрек:

– Ну вот, теперь можно и о делах поговорить.

– Конечно, надо и о делах подумать, - поддакнул Ловкач, - тем более что наш последний золотой уже не наш. Или он был не последним?

– Последним, - хмуро мотнул головой Конан и вдруг, немного поразмыслив, добавил, - был бы он на веревке… Чтобы дернул за нее - и он снова у тебя в кулаке. Белу никогда до такого не додуматься, - и захохотал, приятно удивленный неожиданным поворотом своей мысли.

Взгляд Ши Шелама, наполовину мутный от вина, начал постепенно проясняться, и Ловкач вновь впал в глубокую задумчивость. Вскоре Конан обратил на это внимание и грохнул по столу кулаком, чтобы привести приятеля в чувство. Ши также задумчиво посмотрел на киммерийца.

– А ну, выкладывай, что у тебя на уме? - потребовал Конан.

– Да вот не знаю, стоит ли говорить?

– Кром!

– Вдруг ты опять впадешь в ярость?

– Ты этого добьешься!

– Хорошо, смелый тигр, я сейчас открою тебе свои думы, - поспешно сказал Ши, про себя весьма довольный тем, что Конан заставил-таки его говорить - прежде он не решился бы на это, но теперь, после сытной трапезы и хорошего вина, чувствовал себя достаточно отважным для откровенной беседы с юным киммерийцем. Отхлебнув вина, он утер губы и, вперив в Конана таинственный взор, начал:

– Слышал ли ты про Граттара, который появился в Шадизаре пол-луны назад?

– Что-то слышал, но не припомню что. А чем он знаменит?

– Да вроде бы и ничем. Ни мешков с драгоценными камнями, ни сундука с золотом у него нет. Но поговаривают, что ему это и не нужно, потому как есть у него золотой.

– Тьфу. Нашел, чем удивить. Совсем недавно и у меня был золотой. А повезет, к утру еще раздобуду.

– Твой золотой был да сплыл, а у Граттара он неразменный.

– Говори ясней, крысеныш.

– Заплатишь этим золотым, а он опять к тебе в кошель возвращается. Ну, точно на веревочке, как ты сказал. Только на магической. Короче, колдовством разит на всю округу, поэтому я и раздумывал, рассказывать тебе об этом или нет? Тебя ведь от чернокнижной науки и магов всяких с души воротит.

Услышав это, Конан оскалил зубы, словно перед ним сидел не Ши Шелам, хорошо знакомый шадизарский пройдоха, а демон, вызванный Нергалом из самых мрачных закоулков своего царства, с которым надлежало немедленно вступить в смертельную схватку. Спустя несколько вздохов киммериец все же решил узнать, что Ши Шелам скажет дальше. Хищно сощурив глаза, он произнес:

– Воротит, это уж точно. Но не настолько, чтобы поучить кого-нибудь из них уму-разуму. Кто он и откуда - этот Граттар?

– Люди разное говорят, но никто толком не знает. По внешности вроде заморiец, но так ли это?

– А-а, - бодро махнул рукой Конан. - Кем бы он ни был, но сегодня этот золотой станет моим!

Он всегда был скор на решения, и, к удивлению Ши, капризную удачу сие ничуть не отпугивало от юного варвара.

– Не спеши, отважный воин. Тут с наскока ничего не сделаешь. У него четыре телохранителя, - все же решил остудить он пыл приятеля.

– Я не ослышался? Ты посмел пугать меня четверкой чучел?

Ши Шелам попробовал заговорщически наклониться к Конану насколько мог, но из-за тщедушности телосложения просто навалился грудью на стол, подбородком прижавшись к крышке стола, и шепеляво, зато горячо зашептал:

– Я сказал не спеши не потому, что сомневаюсь в твоей доблести и силе. Бел мне свидетель, тебе нет в Шадизаре равных. Но прежде чем ты сделаешь хоть один шаг в сторону Граттара, дослушай меня до конца. Дело в том, что некоторые люди, кстати, кое-кто из них тебе известен, уже пробовали, пусть не будет суров с ними Нергал на Серых Равнинах, завладеть этой хитрой монетой, если она существует.

– Конечно, существует, коль об этом говорят выродки Бела.

– Но, видно, магия распространяется не только на золотой, но и на телохранителей. Их нельзя одолеть ни в бою, ни спящими. Они заговоренные. Их оружие разит без промаха, а доспехи не пробиваются ничем. Одна банда попыталась ограбить мага днем, их было десять человек, но уцелело лишь двое. Вот откуда известно про оружие и доспехи. А один разбойник по имени Ясдет пробрался в дом к Граттару ночью и попробовал перерезать горло спящим охранникам. Заметь, один из телохранителей обязательно не спит. Охраняя хозяина, они сменяют друг друга через каждую четверть дня. Так вот, Ясдет решил, что, без усилий расправившись с тремя спящими, он как-нибудь одолеет и четвертого, а в результате ушел на Серые Равнины вместо них.

– Почему? - удивился Конан. - Я его знал. Не чета мне, конечно, но крепкий, умелый и храбрый боец.

– Я тебе уже десять лун твержу, что они заговоренные. Если бы с Ясдетом не было Хруга, мы бы об этой истории не узнали, а он своими глазами видел, как остро отточенный нож не сделал на шее спящего даже царапины. Телохранитель проснулся и заколол Ясдета, как поросенка, а Хруг успел убежать. Он до сих пор вне себя от ужаса, и, кажется, слегка окосел на один глаз. Нет, тут нужно придумать что-то другое.

– Так думай скорей, или у тебя вместо мозгов куча навоза?! Я хочу этот золотой, а после того, что ты рассказал, особенно хочу, - сверкнул Конан глазами и крикнул невидимому подавальщику. - Эй, тащи на остатки золотого еще вина! Да загаси курительницу, от этих благовоний дышать нечем!

Подавальщик шустро принес новый кувшин и отправился было выполнять пожелание Конана, однако его остановил чей-то тонкий, но властный голос:

– Пусть горит.

3

Конан, предаваясь чревоугодию, не забывал следить за обстановкой и этого тощего заморийца в кожаной куртке с нашитыми бронзовыми пластинами и коротким легким мечом заметил сразу. Тот ничем особым не выделялся, пока не посмел выступить против воли варвара. Непонятно, на что он рассчитывал, так открыто нарываясь на стычку, ведь даже любому ослу было ясно, что, случись им обнажить клинки, заморiец через пару вздохов уйдет в последнее путешествие.

Но, во-первых, Конан - в виду набитого желудка - находился в благодушном настроении. Во-вторых, его голова под завязку наполнилась мыслями о неразменном золотом, и не беда, что мыслей было раз два и обчелся, зато каждая была массивна и крепка, как кулак варвара. В-третьих, заморiец слишком уступал Конану по всем показателям, и демонстрировать на нем свою удаль варвар считал унизительным для истинного воина. Поэтому он сделал вид, что не обратил внимания на глупую выходку смуглокожего ублюдка, и повторил, но громче и нетерпимей:

– Загаси курительницу, мне надоела эта вонь!

На что заморiец не преминул ответить:

– Будет так, как я сказал.

Ши Шелам, сидящий спиной к зале, заинтересованно обернулся, чтобы посмотреть на недоумка, пока тот еще живой, но, увидев его, мгновенно спал с лица и стал делать Конану, который мощным рывком поднялся на ноги, едва не опрокинув при этом стол, предостерегающие знаки. Киммериец отмахнулся и шагнул в сторону наглеца. Ловкач вскочил на лавку и, схватив Конана за руку, быстро стал шептать ему на ухо:

– Не ввязывайся в драку, сын льва. Это один из телохранителей Граттара. Помнишь, я тебе рассказывал об их неуязвимости и смертоносном оружии?

– Так вот почему он такой смелый, эта худосочная ящерица пустыни?! Сейчас мы проверим, насколько верны все твои россказни. А ну-ка, отпусти меня, не то покалечишься, - Конан тряхнул рукой и Ловкач Ши свалился на лавку, но не удержался на ней и оказался на полу. За дальнейшими событиями он наблюдал уже оттуда.

Конан, показывая свое превосходство, а посему как бы явное нежелание применять силу, расслаблено подошел к заморийцу. Но

внушительные размеры варвара, его литые мышцы, кои не скрывала расстегнутая безрукавка, и длинный меч, оставили того равнодушным. Он скорей насмешливо, нежели внимательно, смотрел на приближающегося синеглазого гиганта, чем еще больше разъярил Конана. Щуплый заморие́ц тоже был уверен в своем превосходстве, и это делало ситуацию, если смотреть со стороны, крайне забавной.

Расслабленность киммерийца на самом деле была обманчивой - внутренне он был готов к любым неожиданностям. В основном из-за своего боевого опыта, а еще благодаря предупреждению Ловкача Ши. Это и спасло Конана, когда он, схватив правой рукой заморийца за горло, выдернул его из-за стола и, удерживая на весу так, чтобы их глаза были на одном уровне, прорычал:

– Ты не должен был вмешиваться, помойная крыса. И если я не сломаю тебе сейчас гнилой отросток, который ты называешь шеей, то только потому, что ты не достоин того, чтобы я марал об тебя руки. А теперь убирайся от…

Договорить Конан не успел, потому что, болтаясь между небом и землей, заморие́ц изловчился и вытащил из ножен меч, который неминуемо должен был вспороть Конану живот и вывалить оттуда двух съеденных петухов, если бы не звериная реакция варвара. Конан левой рукой блокировал выпад противника и, сделав телом пол-оборота, бросил его на стену. Любой другой после такого удара остался бы лежать со сломанным позвоночником, но этот тут же вскочил на ноги, выставил вперед короткий клинок и двинулся на киммерийца, который уже стоял в боевой стойке, держа меч в левой руке, потому что правую тер о штаны, дабы очистить ладонь от жира. Из неглубокого пореза на его боку текла кровь: лезвие каким-то странным образом все-таки задело ловкого киммерийца.

Заморие́ц, криво улыбаясь, приблизился уже достаточно, чтобы Конан, пользуясь своим преимуществом в росте и длине меча, мог начать атаку. Перехватив рукоять и сделав пару ложных выпадов, киммериец понял, что его противник малосведущ в воинском искусстве, и нанес смертельный удар - лезвие его меча вонзилось в правый бок заморийца и прошло вверх по диагонали, распарывая тело. Вернее, должно было вонзиться и должно было распороть. На деле этого не произошло.

Три посетителя таверны - один торговец и два мелких воришки - забившиеся в угол при первых звуках ссоры, не поверили своим глазам. Зато четвертый, не по своей воле нашедший под лавкой укромное убежище, прекрасно знал, в чем дело, и вознес проклятия Нергалу. Даже риск навлечь на себя его темный гнев, не остановил Ловкача Ши от этого словесного

выпада, настолько он переживал за своего юного и горячего приятеля. А еще Ши Шелам неожиданно для себя обратился к киммерийскому Крому, умоляя его помочь сыну народа, которому покровительствует бог могильных курганов.

И то ли Конана надоумил Кром, растроганный страстным обращением Ловкача Ши, то ли сыграла свою роль могучая интуиция киммерийца, но он вдруг понял, что нужно делать, и понял также то, что если не поступит единственно верным способом, предсказать исход поединка, как это ни унизительно и ни печально, будет несложно. Ведь только что он едва увернулся от разящего выпада заморийца, когда тот умудрился поднырнуть под лезвие Конана, и острие его короткого меча, направленное в левое бедро варвара, чтобы перерезать мышцы, чуть не лишило киммерийца подвижности. Конан чудом увернулся, и дело закончилось всего лишь еще одним порезом и рассеченными штанами.

Выждав пару вздохов, варвар атаковал рубящим ударом справа, но сделал это нарочито медленно, чтобы заморие сумел среагировать. И тот попался в ловушку, поймав длинный меч варвара на гарду. Именно на это Конан и рассчитывал. Он молниеносно прихватил рукоять левой ладонью и вращательным движением выбил у противника оружие. Тот еще не понял, что произошло, как его шея вновь оказалась в железных пальцах киммерийца, а ноги заболтались в локте от пола. Конан сжал пальцы, но они внезапно ощутили какую-то преграду, словно эта хрупкая шея была защищена обсидиановым кольцом в несколько пальцев высотой и толщиной. Ясно, что побежденный и не подумал задохнуться, а сверлил Конана ненавидящим взором и делал попытки освободиться из его мертвой хватки. С тем же успехом он мог бы жевать камни.

– Говори, дерьмо Нергала, кто ты и откуда? - рявкнул Конан, - не то я отправлю тебя на Серые Равнины вслед за теми, кто вставал на моем пути!

– Ты не сможешь убить меня, юнец, будь ты хоть в несколько раз сильнее.

– Это еще почему? - деланно удивился Конан, проявив вдруг весьма удивившую Ши Шелама хитрость.

– Потому что я заговоренный.

– Кто тебя заговорил?

– Этого я тебе не скажу.

– Не скажешь? Кром! Ладно. Но знай, ублюдок, кем бы он ни был, я найду его и заставлю снять заклинание. И тогда тебе уже ничто не поможет.

Заморие в ответ лишь рассмеялся.

– Слушай, бычий загривок, у меня есть идея, - сказал довольный

Ловкач, который, как только закончилась схватка, выбрался из-под лавки и теперь стоял рядом с Конаном.

Больше в зале никого не было. Испуганные посетители из страха безвинно пострадать покинули таверну, как только представился удобный случай.

– Ну? - буркнул Конан.

– Мы и так знаем, что заговорил его Граттар, - продолжил Ловкач и с удовлетворением отметил, что у заморийца испуганно округлились глаза, - и что обычным способом убить заговоренного нельзя. Но если он нам не расскажет всю правду, мы его опоим сонным зельем, отнесем в мешке к старому колодцу и сбросим вниз. А сам колодец завалим камнями. Клянусь Белом, Граттар не станет его искать. Зачем понапрасну тратить силы и время, когда можно нанять и заговорить любого другого? Верно? - закончил Ши Шелам и добавил, увидев, что приговоренный к пожизненному заключению в колодце стал истерически извиваться в могучих руках Конана: - Э-э, да я погляжу, тебя проняло. Могу еще добавить, что к тому колодцу никто никогда не ходит, потому что этой местности люди боятся из-за каких-то страшных развалин.

– Знатно придумал, Ловкач, - ухмыльнулся Конан. - Ты понял, отродье гиены, что тебя ожидает?

– Хорошо, я расскажу, как меня заговорили, но только пообещай, синеглазый, что отпустишь меня, - взмолился побледневший от ужаса заморiец.

Конан вопросительно посмотрел на Ши Шелама.

– Пусть говорит, - рассудил тот, - какой нам прок тащиться в пустыню, чтобы заживо похоронить этого ублюдка, когда у нас и в городе дел хватает? Но только не отпускай его, пока он не закончит болтать.

– Ладно, - сразу согласился Конан, правильно истолковав фразу приятеля про дела: у них с недавнего времени есть лишь одно дело - заполучить неразменный золотой Граттара, и пора этим вплотную заняться. - Начинай, - велел он обмякшему заморийцу и встряхнул его несколько раз, чтобы придать живости.

– В нашей банде было четыре человека. Я, туранец, бритунец и коринфиец. Мы промышляли воровством в Заминди и грабили путников на торговой дороге между Заминди и Шадизаром.

– Почему таишь свое имя? Или твой язык лжив, как все слуги Нергала?

– Клянусь Затхом, не вру. А меня зовут Пирус.

– Ты поклоняешься этому восьминогому чудовищу? - возмутился

Конан.

– Я родился и вырос в деревне возле Йезуда, - объяснил Пирус.

– В Заморе поклоняются многим божествам, бычий загривок, - счел нужным вступиться за земляка Ши Шелам, - а также уважают чужих богов, как, например, шемитского Бела. Вспомни, хоть кто-нибудь выражал недовольство твоим Кромом?

– Я б его тогда… - сверкнул глазами Конан.

– Выражал или нет? Ведь нет, правда?

– Правда. Кром!

– Пусть и этот чтит кого хочет. Ну, так что дальше?

– Примерно луну назад мы засекли одинокого путника. Он шел открыто и никого не боялся. Мы подумали, что раз он не боится, то у него ничего нет. Но Тагир припомнил, что видел в городе, как этот человек расплачивался золотыми и отказывался от сдачи. Значит, сказал Тагир, у него этих золотых столько, что он с нами наверняка захочет поделиться. Мы согласились и, как только этот путник расположился на ночлег, напали на него, - Пирус внезапно замолчал.

– Давай дальше, - вновь тряхнул его Конан.

– Мне до сих пор жутко вспоминать эти мгновения, - признался заговоренный заморiец, - но вы уже догадались, что это был Граттар. И он был заговоренный, как мы сейчас. Ножи его не взяли, хотя он спал под открытым небом и не слышал, как мы к нему подкрались. Проснувшись, он что-то сказал, что-то просыпал в догорающий костер и что-то начертил в воздухе. Мне показалось, что вся ночь мира придавила меня к земле, а из тьмы ко мне тянут когтистые лапы всякие ужасные твари. Я не мог пошевелиться и чуть не умер от страха. То же самое было с остальными. А Граттар громко смеялся, наблюдая за нами, а потом предложил стать его телохранителями. Он обещал хорошую еду, хорошие деньги и неуязвимость от любого оружия. Взамен же потребовал лишь преданности и дисциплины. Грех было не согласиться на такие условия.

– Правда ли, что у него есть неразменный золотой? - спросил напрямик Конан.

Ши Шелам чуть не задохнулся от такой прямоты, ожидая, что про хозяйское добро Пирус либо соврет, либо скажет, что ничего не знает. Но тот лукавить не стал:

– Поклясться не могу, он всегда просто расплачивается, и все. Но, судя по тому, что с собою у него только один кошель, который не пустеет, что бы он ни покупал, наверное, это правда.

– Ладно, хватит. Иди к своему хозяину. Только предупреждаю, не

бросайся на меня, как только коснешься пола, а то повторится старая история, - наставительно сказал Конан.

– Я не буду сейчас пытаться отомстить. Но обещаю, что если мы снова встретимся, я постараюсь убить тебя, синеглазый.

Конан захохотал:

– А еще говорят, что заморийцы лживый и коварный народ.

– Как ты мог подумать такое? - возмутился Ши Шелам. - Неужели ты, проводя со мной лучшие дни твоей жизни, не понял, что такие высказывания - ложь от начала и до конца?

– Вот потому я и сомневаюсь, что провожу лучшие дни своей жизни именно с тобой, пройдоха, - заявил Конан и вновь разразился гулким смехом, крайне довольный этой, как он посчитал, очень остроумной шуткой.

– Пирус, а ты когда охраняешь Граттара? Ночью или днем? - внезапно спросил Ловкач, когда Конан поставил заморийца на пол.

– Утром. Ночью я сплю, - машинально ответил телохранитель и, подобрав под одним из столов меч, покинул таверну.

Конан и Ши Шелам вернулись к своему столу. Киммериец взял кувшин и залпом опустошил его. Ловкач благоразумно промолчал, хотя от волнения у него давно уже пересохло в глотке, но он мечом не махал и не подвергал свою жизнь опасности, а значит, может потерпеть. Затем Конан осмотрел раны и покачал головой. Кровь в порезах в основном запеклась, но от движений свежая корочка лопалась, и раны вновь начинали кровоточить. Ши тоже принял участие в осмотре и даже поцокал языком, но ни Конан, ни сам Ловкач не поняли, какое чувство он пытался выразить. Однако, о чем бы ни цокал Ши Шелам, киммерийца занимало совсем другое:

– Ты обещал придумать, как нам заполучить золотой.

– У меня не было на это времени. Я молился за твою победу, даже твоего Крома вспомнил, - важно сообщил Ши.

– Ты прятался, трусливый крысеныш, а не молился, - заклеймил хвастуна Конан и нахмурился.

– О-о, какой я молодец, я придумал! - возликовал Ши Шелам.

– Хвала Крому, у тебя все-таки что-то есть в голове.

– Я придумал, как быстро залечить твои раны, бычий загривок.

– Это не раны, а царапины. А насчет твоей головы я ошибся.

– Идем, идем быстрее. Главное, чтобы старик не лег спать, а он ложится сразу, как только глаз Митры закрывается на ночь, - затараторил Ловкач, увлеченный своей идеей и, видя, что Конан словно врос в скамью и

не собирается следовать за ним, принялся его уговаривать. - Ты что, не понимаешь, что даже царапины надо залечить, потому что с заговоренными скоро придется повстречаться опять. Я тебе обещал что-нибудь придумать и обязательно придумаю, но только пойдем со мной к старику. Прошу тебя.

– Заткнись! Твоя болтовня мне надоела.

– Ну, тогда проводи меня к нему как телохранитель, - не унимался Ши Шелам.

– Ах ты, задница Бела, - рассвирепел Конан и так грохнул кулаком по столу, что кувшин из-под вина подпрыгнул и свалился на пол, - ты считаешь, что я должен охранять твою вонючую жизнь?

– Ты меня совсем не так понял, о храбрый лев, - поспешил объяснить свои слова Ловкач. - Я только хотел сказать, что если, не дай мне Бел, я встречу на улицах Пируса, он не раздумывая убьет меня, и лишь ты во всем Шадизаре сможешь меня защитить. А к старику мне надо сходить по нашему общему делу. Я чувствую, что он поможет мне быстрей придумать план, как нам добыть золотой.

Конан почесал затылок, повел плечами и только тогда принял решение:

– Ладно, пошли вместе.

Подавальщик рискнул появиться в зале только тогда, когда за неспокойными гостями захлопнулась входная дверь.

4

Марконий жил почти у самой городской стены между северными и восточными воротами. В этом районе селились люди, имеющие промежуточное положение между средним классом, чьи кварталы располагались вблизи четырех ворот, и дном общества, представители которого могли обитать, в сущности, в любом месте, где можно было преклонить голову, но в основном жили в Пустыньке. Впрочем, там, где поселился Марконий, можно было встретить домовладельцев разного достатка. Он выбрал это место из-за нежелания привлекать к себе лишнее внимание и врожденной скромности.

Именно к Марконию направился сопровождаемый Конаном Ши Шелам после того, как они покинули таверну Абулетеса. Ловкач сразу отметил, что течение времени не столь стремительно, как он думал, поскольку глаз Митры, хотя и покраснел, но висел над самым горизонтом, только-только собираясь коснуться его своим краем, а значит, старый Марконий еще не лег спать. Но нужно было торопиться, и Ши прибавил ход, смешно семеня ногами, тогда как Конан шел ровным широким шагом, и по его виду нельзя было сказать, что он идет быстро.

Родиной Маркония была Коринфия. Там он родился и там прожил почти всю жизнь, служа тайному магическому обществу, известному как Белый Квадрат. Старик имел чистую и благородную душу и никогда не жалел ни сил, ни времени для того, чтобы своей деятельностью способствовать претворению в жизнь идеалов Белого Квадрата. А только это магическое общество направляло свое могущество во благо людей. Маги Серого Квадрата полностью игнорировали нравственные аспекты во всех вопросах, связанных с магическими науками, а Черный Квадрат использовал свое мастерство только для обогащения и достижения различных степеней власти, начиная от городов-государств Коринфии до экспансии на всю территорию Хайбории. Но постепенно адепты всех Квадратов настолько погрязли во внутренних распрях и интригах, что чуть не все свои усилия стали тратить на то, чтобы парализовать деятельность себе подобных. Марконий тоже был втянут в эту борьбу, но не смог ее окончательно принять и ушел по Дороге Королей на восток, чтобы осесть в каком-нибудь понравившемся месте и использовать свои знания и навыки мага для помощи нуждающимся. Первым большим городом, что встретился ему на пути, был Шадизар, и старый чародей больше не стал

испытывать судьбу.

В Шадизаре Марконий купил небольшой дом в зеленом квартале. Хотя средства позволяли ему приобрести в собственность хоть дворец, он их потратил на внутреннее обустройство жилища в соответствии со своими потребностями, и продолжил изучение магических наук, никого не посвящая в тайны своей деятельности. Однако если кто-нибудь обращался к нему по каким-либо вопросам, он всегда помогал. Правда, было одно крайне важное ограничение - в этих случаях бывший маг Белого Квадрата никогда не использовал собственно магию. Знания - да, но не заклинания. И еще, он отказывал людям, стремящимся с его помощью достичь каких-то низменных или корыстных целей. Как он их распознавал, оставалось секретом, но факт есть факт - Марконий знал, что у кого за душой, и никогда не ошибался.

Но самым странным было то, что слава о нем почему-то не шла по Шадизару, как идут от брошенного камня круги по воде. Уж тут точно не обошлось без чародейства, и, надо думать, Марконий хорошо постарался, чтобы с помощью магических средств и заклинаний оградить себя от толпы страждущих и алчущих людей. Оно и понятно. Во-первых, маг привык работать в одиночестве и не терпел суеты. Во-вторых, Марконий каждый день проводил по строгому распорядку - это касалось еды, сна, всяких занятий - и не любил, когда его режим грубо нарушался. В-третьих, маг считал, что, несмотря на меры предосторожности, предпринятые им, Митра всегда приведет к нему тех, кто действительно нуждается в помощи.

В доме Маркония, кроме комнат, в которых он спал и принимал пищу, были две кладовых (одна для хранения магического инвентаря и вспомогательных приспособлений, а вторая для книг и артефактов), лаборатория, кабинет и внутренний дворик, в котором маг читал звездные письмена. Про подвальные помещения ничего сказать нельзя, потому что в них никто не бывал, но ходили слухи, что они есть.

– Вот здесь живет человек, который нам нужен, - сообщил Ши Шелам, остановившись у двери, обитой крест-накрест двумя полосами железа, и нажал на штырек, выступавший из двери. Тотчас по ту сторону раздалось мелодичное позвякиванье колокольчика, который извещал хозяина о гостях. Вскоре дверь отворилась, и на пороге возник старик, чье смуглое лицо и руки резко выделялись на фоне белого халата и седины. Он внимательно посмотрел на приятелей, сложил пальцы в форме кольца и кивком пригласил их следовать за собой. Конан недовольно оскалился, но Ши Шелам умоляюще посмотрел на него и сделал несколько гримас не хуже вендийской обезьяны, чем вызвал у киммерийца приступ смеха. Но Конан

сунул в зубы кулак и всего лишь пару раз хмыкнул, после чего они степенно вошли дом Маркония и, миновав три комнаты, оказались во внутреннем дворике. Четыре больших горящих светильника, установленных в его углах, разгоняли мрак надвигающейся ночи.

– Я вас ничем не угощаю, потому что осталось совсем немного времени до сна, а нарушать свой распорядок у меня нет никаких причин, - сказал старый маг, предложив гостям сесть на низкие табуретки, и сам опустился на такую же. Ши Шелам и Конан молча сели.

– Прости нас, Марконий, за поздний визит, - начал было Ловкач Ши, но тот перебил его.

– Ты уже однажды приходил, скупщик краденого, и я отказал тебе в помощи. Что тебя привело ко мне на этот раз? Могу предположить, что коль ты все-таки пришел, зная, что я не помогаю проходимцам и ворам в их грязных делах, значит, причина у тебя веская, не так ли?

– Ты совершенно прав, Марконий, - сказал елейным голосом Ши Шелам, - я до сих пор не могу понять, то ли ты так мудр, то ли твое магическое могущество так велико, но ты всегда видишь суть вещей.

– Так ты маг?! - вскричал Конан, вскакивая с табурета. Его губы плотно сжались, а глаза сверкали. - Как же ты, сын шакала и крысы, посмел привести меня сюда? - грозно спросил он у Ловкача.

– Прости, Марконий, Конан не любит вашего брата, как бы хорошо не подавали его к столу, - ответил Ши Шелам на немой вопрос хозяина дома, - слишком много неприятностей натерпелся он от твоего сословия.

– Твой юный друг ошибается, - с улыбкой произнес Марконий. - Ну какой я маг? Я просто исцеляю раны и болезни, а также даю людям советы. И делаю это без всякой волшбы. Позволь, я взгляну на твои царапины, киммериец? - внезапно добавил Марконий и подошел к Конану.

– Откуда ты меня знаешь, старик? - с подозрением спросил Конан.

– Тебя очень многие знают, северянин. За то время, что ты провел в Шадизаре, ты успел прославить свое имя.

Поскольку Марконий не назвал порезы ранами, а употребил то же слово, что и Конан - царапины, - и поскольку старый маг говорил очень просто, без пафоса, Конан не стал противиться, когда тот осторожно ощупал пальцами порезы.

– Сущая ерунда, - наконец сделал Марконий заключение.

– Вот и я говорю, ерунда, - кивнул головой Конан.

– Однако следует их протереть моей настойкой. Не беспокойся, воин, я пользуюсь обычными травами, которые растут на этой земле и в горах, - мягким тоном сказал Марконий, быстро вышел за дверь и тут же вернулся с

небольшим глиняным кувшином и обрывком цветной ткани.

Окуная лоскут в кувшин, он обработал раны Конана, затем обильно смочил их жидкостью и вернулся на свое место.

Для Ши Шелама самым удивительным во всей этой процедуре было то, что Конан проявил совершенно несвойственную ему покорность. Видимо, спокойствие и уверенность в себе, с которыми действовал маг, оказали на неукротимый характер варвара благотворное влияние.

– Но не эти царапины, видимо, привели вас ко мне, - сказал старик. - Поторопитесь, уже близок миг, когда я попрошу вас покинуть мое жилище.

– Изволь, мудрый Марконий, я скажу, - начал Ши Шелам. - Конан вступил в схватку с заговоренным. И как ни был искусен, он едва не потерял жизнь. Вот я и хотел спросить у тебя, есть ли способы, которыми можно одолеть этих детей Нергала?

– Одному заклятию можно противопоставить другое, более сильное. Но вряд ли вы найдете в Шадизаре человека, который сможет или захочет ввязаться в магический поединок, - покачал головой Марконий.

– Значит, зло будет процветать и дальше? - с напускной горечью воскликнул Ши Шелам.

– Увы, - вздохнул старый маг. - Я рискую удивить вас, но это справедливо. Всемирный закон равновесия никто не отменял, а значит, никто не отменял и зло. Что касается заговоренного, я могу предположить, что заклинание само перестанет действовать, когда этот человек окажется в зоне, где полностью отсутствует магическая энергия.

– Но где, где могут быть такие места? - вкрадчиво спросил Ши Шелам, а Конан рявкнул:

– Если ты их знаешь, старик, скажи нам!

Марконий некоторое время раздумывал, затем внимательно посмотрел на Конана и спросил:

– Сколько заговоренных существует?

– Четверо, - ответил за приятеля Ши Шелам. - Они служат у Граттара.

– У Граттара? - старик нахмурился. Видно, это имя говорило ему о многом. - Он приносит в мир слишком много зла.

– Вот видишь? - обрадовался Ши Шелам. - А я с твоей помощью его одолею! То есть… то есть, мы одолеем.

– Ну что ж, - продолжил старый маг, все также глядя на Конана, - мне ясно одно, ты, северянин, рано или поздно встретишься с ними, но против четверых тебе не выстоять. А мне бы не хотелось, чтобы ты преждевременно ушел на Серые Равнины. Ты мне интересен. Поэтому я помогу вам, хотя, уверен, помыслы ваши не так чисты, как вы хотите

показать. В общем, слушайте. Зоны, в которых отсутствует магия, есть в заморийской пустыне. Как они там появились, сказать трудно, но некоторые мудрецы полагают, что эта земля была выжжена магией во время войн, полыхавших в Хайбории после Великой Катастрофы. А в тех местах, где столкнулись равновеликие, но противоположные силы, возникли магические пустоши.

– Но как мы найдем эти места? - с нетерпением спросил Конан.

Маг ответил не сразу. Поглаживая пальцами седую бороду, он какое-то время размышлял, видимо, о том, правильно ли он поступает, нарушая свои принципы, а также о том, нарушает ли он их вообще. Наконец легкий вздох возвестил, что решение принято.

– Я дам вам карту, на которой отмечено несколько таких мест, а как вы ею распорядитесь - дело ваше, - с этими словами Марконий вновь ушел в дом.

Воспользовавшись отсутствием хозяина, Ши Шелам начал делать Конану знаки, но киммериец, как ни напрягал мозги, ничего в них не понял и пренебрежительно отмахнулся от Ловкача. Тот уже было раскрыл рот, чтобы словами передать свои мысли, но в это время вошел Марконий со свитком в руке и вручил его Конану, после чего проводил гостей на улицу, сумев мягко, но решительно пресечь все их попытки рассмотреть карту у него в доме.

5

Местность, в которой жил Марконий, по ночам почти не освещалась, а тьма сгустилась настолько, что нечего было и думать о том, чтоб рассмотреть свиток под открытым небом. Поэтому приятели решили дойти до ближайшего фонаря и там разобраться, что же все-таки всучил им старый маг.

– Ну и рожи ты корчил, крысеныш, когда старик ходил за картой, - одобрительно сказал Конан, пока они шагали по улице, - умора!

– Никакие не рожи, - обиделся Ши Шелам. - Я хотел показать тебе, что кое-что придумал, но не говорил вслух, чтобы Марконий не услышал, а то он мог не дать нам это, - кивнул Ловкач на свиток в руке Конана.

– И что ты придумал? Где стащить гнилых овощей? - хмыкнул Конан.

– Как заиметь неразменный золотой, - парировал Ловкач Ши.

– О-о, Кром! Что же ты молчал, репейник из хвоста Нергала?! - взревел Конан, останавливаясь под фонарем.

Ши Шелам проводил взглядом прохожего, который, испугавшись, видимо, внушительной фигуры Конана, постарался пройти мимо них как можно скорей, а только потом спросил:

– Помнишь ли ты, бычий загривок, про магический кситар?

– Конечно.

Еще бы он не помнил, ведь это волшебное зелье Конан пытался раздобыть совсем недавно. Он перерезал всю стражу Кривого Хиджа (главаря банды Синие тюрбаны, которому привезли кситар из Замбулы), отправил на Серые Равнины самого Хиджа, но в последний момент сосуд с кситаром разбился. Однако Конан успел воспользоваться его магией. Став на некоторое время невидимым, он нашел сундук с золотом и самоцветами и унес часть сокровищ. Правда, про кситар он ничего Ши Шеламу не сказал, рассудив, что все равно тот потерян безвозвратно, а посвящать приятеля в свои неудачи он не желал.

– Так вот, никто не знает, есть ли на самом деле на свете этот кситар или нет, и как он действует. - Тут Конан не то кашлянул, не то насмешливо хмыкнул. Ловкач с подозрением посмотрел на него и, увидев, что Конан внимательно слушает, продолжил. - Но вряд ли найдется человек, который бы про него не слышал. Тем более, если он маг.

– Ты можешь говорить короче, болтливый язык Бела? - поторопил его Конан.

– Я и так сама краткость, - надул губы Ловкач, - а идея заключается в том, чтобы заманить Граттара в нужное нам место. Мы продадим ему карту, на которой обозначим крестиком, где спрятан кситар. Он отправится туда, а мы его там уже ждем.

– Ловко придумано, - одобрил замысел Конан, - а если он не пойдет?

– Будь уверен, за кситаром пойдет. Давай посмотрим, что нарисовано на карте.

Конан развернул свиток, присел на корточки, а Ши Шелам встал сбоку, чтобы не загораживать свет, и они стали изучать вытравленный на куске кожи план заморийской пустыни.

– Крестик надо ставить здесь, возле трех скал, - наконец сказал Конан, ткнув пальцем в карту северо-восточней Шадизара.

– Да. Это не так далеко от города, и если человек отправится в путь, как только Митра откроет свой божественный глаз, то к полудню он уже увидит эти скалы, - согласился Ловкач. - А если у него будут лошади или верблюды, то и того быстрей.

– Значит, сейчас мы идем к Граттару, ты продаешь ему свиток, и мы тут же отправляемся в пустыню, - рассудил Конан, потягиваясь, как молодой лев перед охотой.

– Зачем торопиться? - удивился Ши Шелам. - Мы вполне успеем поужинать, отдохнуть, а утром купим лошадей и опередим Граттара.

– Кром! У тебя, Ловкач, мозги ящерицы, - рявкнул Конан, видимо, забыв, что именно Ши Шелам только что предложил эту идею. - Без карты в пустыне легче ориентироваться по звездам. Это раз. Наши следы не должны насторожить Граттара. Это два. Довольно?

– Вполне. Вполне довольно, мудрый сын Крома, - заморие́ц покивал головой, одновременно сворачивая свиток. - Пошли? Я знаю, где живет этот ублюдок, и помоги нам Бел не столкнуться с городской стражей.

– Постой. А ты не боишься, что Пирус тебя узнает? - насмешливо спросил Конан. - Там ведь под лавкой не отсидишься.

– Боюсь, - честно признался Ши Шелам, - но я надеюсь, что сейчас он спит. Он ведь сказал, что охраняет этого выродка Нергала с утра, а утром мы уже будем далеко.

– Только скажи ему, что кситар находится в сосуде, который лежит в дорогом ларце шангарской работы, а сосуд светится волшебным голубоватым светом, - наставительно сказал Конан.

– А ты откуда знаешь? - удивился Ловкач.

Конан на миг смешался:

– Ну… Кром!… Рассказывали как-то. Хватит болтать. Пошли!

И приятели растворились во тьме, словно их никогда и не было.

6

Граттар жил в богатом, хорошо освещаемом районе, и Конан с трудом нашел затененное место, откуда он смог наблюдать, не привлекая внимания, за дверью, поглотившей его подельщика. Он видел, как появился охранник, судя по внешности, бритунец. Он видел, как Ловкач, отчаянно жестикулируя, что-то ему долго втолковывал, после чего они вместе вошли в дом.

Киммериец наблюдал за этим издалека, но мог поклясться Кромом, что у Ши Шелама зуб на зуб не попадал от страха. Однако, посчитав, что тому полезно изредка рисковать собственной шкурой, он ухмыльнулся своим мыслям и стал ждать. Конан всегда был нетерпелив, когда дело касалось какой-нибудь заманчивой цели, но если было нужно, он мог находиться без движения очень долго, как зверь, караулящий добычу.

В это время Ловкач Ши желал здравствовать и преумножать свои богатства человеку, которого на следующий день он вместе с Конаном собирался лишить и того и другого.

Комната, в которой происходил разговор, была обставлена без лишней роскоши, но богато. Граттар был одет в роскошный фиолетовый халат, сидел, развалясь, на мягком ложе, накрытом дорогим шелковым покрывалом и заваленном расшитыми подушками, и, прищурившись, разглядывал незваного гостя. Сам он и в самом деле был заморийцем со всеми чертами, присущими этому народу, вот только ростом казался повыше и кожей побледней. Темные странные глаза его с короткими, очень густыми черными ресницами, смотрели спокойно, без тени настороженности. По всему чувствовалось, что этот человек привык доверять себе самому более, нежели неким магическим формулам и заклинаниям. Сила волнами исходила от него, и чуткий Ловкач сразу ее ощутил.

По обеим сторонам от Граттара, на расстоянии нескольких шагов, стояли два телохранителя, туранец и коринфиец, но, хвала Белу, Пируса среди них не было. Таким образом, Ши Шелам смог увидеть всех четверых заговоренных и уже сделал вывод, что если снять заклятие, Конан с этими бродягами справится без особого труда. Но сначала надо заманить в ловушку их хозяина, заинтересовав его магическим кситаром.

– Ты посмел нагло потревожить мой покой, грязный шакал с помойки Шадизара. Я надеюсь, причина, по которой ты сделал это, смягчит мое

недовольство, иначе я и медяка не дам за твою жизнь, - певуче сказал Граттар. - Выкладывай, что тебе нужно. Но знай заранее, прежде чем откроешь свой смрадный рот: я милостыню не подаю, прислуга мне не нужна, в темных делах я не участвую.

– О да, конечно, я бы и не посмел даже к двери твоей подойти, уважаемый Граттар, если бы что-то подобное было у меня на уме, - попытался так же певуче ответить Ши Шелам, но через два слова сбился на простонародную скороговорку. - Просто у меня есть товар, который я хочу продать.

– Это мне уже не нравится, - изрек маг, взяв с невысокого столика кубок с вином и поверх его края наблюдая за Ловкачом Ши. - Или скажи что-нибудь иное, или спеши унести ноги из моего дома.

– Ты немилостив, о светоч Замеры… - пробормотал перепуганный насмерть Ши. - Дозволь все же продолжить, ибо… ибо…

– Почему ты не продаешь свой товар днем? - молвил Граттар. - И почему ты пришел с ним именно ко мне? Вот два вопроса, которые возникли у меня в голове. Считай, что они тебе уже заданы.

– Товар особого свойства, достопочтенный. Я бы его мог продать любому, но уж слишком большая слава о тебе идет среди базарного люда.

– Вот как? И что же это за слава? - спросил Граттар, ничуть, впрочем, не удивившись.

– Что ты не скупишься, расплачиваясь за товары и услуги, а значит, не буду врать, я надеялся получить с тебя хоть немного больше, чем мне бы заплатил какой-нибудь тупой толстосум, - единым духом выпалил Ши Шелам, почувствовав, что лоб его покрывается испариной.

– Ну что ж, твоя искренность похвальна, - одобрил маг, мелкими глотками потягивая вино. - Но это ответ только на второй вопрос.

– Я молю Бела смягчить твое недовольство по поводу моего позднего визита. Просто все дело в том, что я очень голоден. Ну и… есть еще несколько причин, по которым я как раз этим вечером стал остро нуждаться в деньгах. Добавлю, что я берег этот товар для себя, но он находится в пустыне недалеко от Шадизара, а у меня до сих пор не было ни возможности, ни решимости отправиться за ним.

– Ты все-таки сумел заинтриговать меня, оборванец, - покровительственно улыбнулся Граттар, - я думаю, пришло время назвать вещи своими именами.

– Ты когда-нибудь слышал про магический кситар, о мудрый и благородный человек?

– Кситар? - внезапно переспросил маг, и на миг с него слетела маска

невозмутимости.

Ши Шелам понял, что тот ожидал чего угодно, но только не упоминания про таинственное волшебное зелье, которое может наделять человека какими-то сверхъестественными способностями. А значит, мысленно потер руки Ловкач, Граттар попался.

– Именно кситар, - подтвердил свои слова Ши.

– Расскажи-ка подробней. И ничего не скрывай. Может статься, меня это заинтересует, - велел хозяин дома и, словно спохватившись, сделал знак одному из телохранителей налить в серебряный кубок вина и предложить его Ловкачу. - Тебе легче будет рассказывать, если ты немного промочишь горло. Мое вино из лучших. Такого тебе не подадут в вонючих шадизарских кабаках.

– Не знаю, как и благодарить тебя за твое радушие и гостеприимство, - расплылся от удовольствия Ши Шелам, беря в руки кубок и шумно делая первый глоток. - О, великолепное вино, великолепное! В общем, был в Шадизаре Кривой Хидж, очень богатый разбойник. Ему однажды привезли из Замбулы этот самый кситар, но он не умел держать язык за зубами и похвалялся покупкой направо и налево. Естественно, его решили ограбить его же друзья, если могут быть друзья у такого отродья. Но всех опередил слуга, укравший этот кситар и сбежавший в пустыню. Погоня, снаряженная из трех головорезов Хиджа, нагнала его у трех скал, но, убив слугу, они рассорились, в результате чего в живых остался всего один (не буду называть его имени, чтобы Нергал не мучил его больше других). Он спрятал кситар, вернулся и сказал Хиджу, что слугу они не догнали, а по дороге на них напала большая банда грабителей, от которой он один еле-еле унес ноги. Хидж не поверил и запытал его до смерти, а потом велел сбросить тело в канал. Там я его и обнаружил. За то, что я облегчил бедняге его последние мгновения, он рассказал мне эту историю и сообщил, где лежит карта. Вот эту карту я и хочу тебе предложить.

Ши Шелам закончил свою сказку, и с наслаждением окунул пересохшие губы в вино.

– Эта интересная история звучит красиво. Ну, а ты сам кситар видел?

– Да как же я его мог видеть, если я туда так и не сумел отправиться?! А вот этот несчастный видел.

– Расскажи мне, как он его описывал? - вкрадчиво попросил Граттар.

Ши Шелам понял, что наступил самый ответственный момент его игры, когда окончательно решится, поверит маг рассказу или нет. У него в памяти тут же всплыло наставление, которое дал ему Конан под фонарем, и он удовлетворил любопытство Граттара:

– Он сказал, что кситар находится в сосуде, который лежит в богато украшенном ларце шангарской работы. Если открыть ларец, кситар начинает светиться волшебным голубоватым светом.

– Ну что ж, это соответствует описанию, которое я знаю, - подвел итог хозяин дома. - Сколько же ты хочешь за карту?

– Только не изволь гневаться на то, что я могу, по твоему разумению, попросить много, - робко сказал Ловкач, - но поскольку я так хотел получить его сам, а потом продать (ведь согласись, это зелье может стоить большие деньги), то если ты мне заплатишь золотой, я буду просто счастлив.

Глаза Граттара опасно блеснули, и Ши Шелам подумал, что от жадности перегнул палку, но маг вдруг растянул тонкие губы в некое подобие улыбки и сказал:

– Пусть будет по-твоему. Я не хочу торговаться, я не купец и не скупец. Ты получишь свои деньги, как только карта окажется у меня в руках.

Ловкач сунул руку за пазуху, и тут же телохранители обнажили мечи.

– Я только хотел достать карту, - испуганно проблеял Ши Шелам. - Бел свидетель, у меня ничего дурного на уме не было.

Граттар махнул рукой, и мечи скрылись в ножнах. Ловкач достал свиток и вложил его в протянутую руку мага. Тот несколько мгновений изучал рисунок, потом удовлетворенно кивнул, снял с пояса внушительный кошель, в котором, судя по полноте, было не меньше двадцати монет, но, почему-то передумав, вернул его на место. Ши Шелам уже решил было, что платы не дождется и неплохо бы вообще унести отсюда ноги, как Граттар запустил руку в недра халата, а когда достал ее, на ладони лежал большой блестящий золотой.

– Я хочу заплатить тебе монетой, - пропел он, - которая мне не раз приносила удачу. Это в благодарность за твою услугу. Бери и проваливай. - Ши ловко поймал брошенный золотой. - Вышвырните его отсюда! - велел Граттар телохранителям и тут же забыл о существовании гостя, погрузившись в изучение карты.

7

Конан облегченно вздохнул, увидев, как Ши Шелам, получив пинок под зад, растянулся посреди улицы. По крайней мере, он жив, и, что тоже немаловажно, Граттар не оставил его при себе в качестве заложника. Значит, удача пока вновь на их стороне. Вот только еще неизвестно, попал этот плевок Нергала в расставленные силки или нет?

Ши Шелам, жалобно скуля, шел по улице, и чуть не сел от неожиданности на больное место, когда перед ним, словно из ниоткуда, вдруг возник киммериец.

– Я вижу, ты жив и здоров, шадизарская крыса, - пророкотал Конан, - но другого я и не ожидал. Выкладывай скорей, чем ваш торг закончился?

– Хвала Белу, он купил карту! Слышишь ты, бычий загривок?! Я был просто великолепен! Я обвел вокруг пальца этого ублюдка! Я достоин самой дорогой награды! - раздуваясь от собственного величия, шепотом выкрикивал Ловкач.

– Сколько он тебе заплатил? - вернул его Конан с небес на землю.

– Целый золотой.

– Тогда идем к Абулетесу и возблагодарим Крома за покровительство!

– И Бела!

– Хоть всех богов, кроме Нергала, но сейчас отдай мне монету. В твоих дырявых карманах ей не место, - потребовал Конан.

– Я, значит, добывал деньги, а пользоваться будешь ты? - попробовал воспротивиться Ловкач.

– Проклятье! Какая разница, кто зарабатывал, главное, чтобы сейчас монета была в сохранности.

– Ладно, пусть золотой будет у тебя, - согласился Ши Шелам и полез в карман. - Постой, а где же он?

– Кто?

– Золотой! Он ведь только что был тут, в кармане.

Конан сжал плечо приятеля крепкими пальцами:

– Ты, ублюдок, потерял нашу единственную монету? Кром! Это из-за твоего дырявого кармана!

– Ой-ей, - заверещал Ловкач Ши, извиваясь в железной хватке, - больно же, львиная лапа! - Конан отпустил его. - Смотри, никакой дыры в моем кармане нет. - Ши вывернул карман и киммериец сам убедился, что карман цел.

– Тогда где же монета? - грозно спросил он.

– Откуда я знаю?! Была, а теперь нету.

– Кром! - вдруг хлопнул себя по лбу Конан и захохотал. - Неразменный золотой! Теперь я вижу, что это не россказни базарного жулья, а правдивая история. Ну, погоди, колдун, - резко оборвал смех киммериец, - завтра мы с тобой рассчитаемся.

8

Слепящий глаз Митры подбирался к зениту, когда вдали показалась группа всадников. Ши Шелам, выполнявший в это дневное время роль дозорного, разбудил Конана, который спал, укрывшись от зноя, льющегося с неба, под одной из скал. Киммериец проснулся с тяжелой от дневного сна головой, и некоторое время с трудом приходил в себя. Наконец, сообразив, кто он и что здесь делает, Конан укрылся за скалой и стал наблюдать за приближением Граттара с телохранителями. А в том, что это явились именно они, он ни вздоха не сомневался.

Можно было сказать, что вчера они сыграли на равных. Сначала Конан в таверне, хотя и одержал верх в поединке с Пирусом, но не смог ничего тому сделать, поскольку заморийца хранило заклятие. А потом Ши Шелам продал магу подложную карту, но получил за нее неразменный золотой, который тут же вернулся к Граттару, оставив Конана с приятелем на бобах. Зато сейчас все встанет на свои места: когда Граттар со свитой въедет в зону, где не действует магия, киммериец со своим мечом скажут свое веское слово, положив конец этой короткой, но интересной истории.

Конан почувствовал азарт охотника и бойца, к которому примешивалась легкая злость на Граттара за то, что вчера они с Ловкачом Ши остались без ночной трапезы и были вынуждены полночи месить ногами песок, разыскивая эти три скалы, находящиеся почти в самом центре бесплодного для магических уловок участка пустыни.

Прошло какое-то время, прежде чем пять всадников оказались внутри пространства, ограниченного скалами. Эти природные монолиты являли собой довольно живописное зрелище. Они располагались по дуге, как бы очерчивая половину невидимого, но существующего круга, и, будучи высотой в три роста Конана, напоминали сточенные временем зубы какого-то древнего чудовища.

Всадники спешились. Четверо стали снимать с лошадей поклажу, а Граттар принялся внимательно осматривать скалы, пытаясь определить, откуда следует начать поиск заветного ларца, чтобы сохранить драгоценное для всякого уважающего себя мага время. К тому же он совсем не хотел дольше необходимого находиться на жаре, хотя как заморие́ц давно привык к жесткому климату пустыни.

Конан же, будучи северянином, изнемогал от зноя и испытывал раздражение оттого, что был вынужден постоянно вытирать ладони от пота, дабы они не скользили по рукояти меча. Он не торопился, подгадывая момент, чтобы обнаружить свое присутствие в удобной для себя ситуации. Его молодая кровь неслась по жилам, разгоряченная предстоящей схваткой, а глаза горели темным огнем хищного зверя, выследившего добычу и готового вот-вот вонзить в беззащитную шею острые клыки.

Ши Шелам лежал за другой скалой, закопавшись в песок почти с головой, и с ужасом думал о том, что если старый маг Марконий ошибся насчет того, что в некоторых районах пустыни нет магической энергии, то Конану при всех его достоинствах не удастся выиграть этот бой. А это значит, что рано или поздно, разыскивая кситар, охранники Граттара обязательно наткнутся на него. О Бел, как Ловкачу Ши не хотелось на Серые Равнины! Он не видел, как разворачиваются события, и, тихо поскуливая, готовился к самому худшему.

– Вы трое копайте у средней скалы, а ты, Пирус, наблюдай за округой, - наконец распорядился Граттар.

В этот момент Конан решил, что время пришло, и возник перед оторопевшей компанией, как сам дух пустыни. Они уставились на его обнаженный меч длиной в два с половиной локтя и удивленно хлопали глазами.

Киммерийцу претило промедление и он рявкнул:

– Клянусь Кромом, я не стану убивать вас, вонючее дерьмо шакалов, пока вы не возьмете в руки оружие! А именно этого я и жду!

Тут, видимо, вспомнив о своей неуязвимости, трое охранников засмеялись и вытащили мечи, а Пирус, заслонив глаза от солнца, чтобы лучше видеть, сообщил:

– Хозяин, это тот самый северянин, который напал на меня в таверне.

– Ну, так убейте его! - взвизгнул Граттар.

Четыре прирученных магом разбойника бросились вперед. Конан только этого и желал. Он отпрыгнул вправо, легко отвел меч бритунца, оказавшегося в непосредственной близости от него, и с небольшого замаха снес ему голову. Пока скудные мозги остальных пытались осмыслить, как

это могло случиться, каким образом заговоренный вдруг погиб как простой смертный, Конан повернулся к туранцу. Низкорослый, но крепкий и мускулистый, он обладал огромной силой, которая была видна в нем с первого взгляда. Гибель приятеля ничуть не испугала его, и, расставив ноги, обеими руками держась за рукоять меча, туранец встал перед юным варваром. Усмешка играла на его устах - до тех самых пор, пока клинок противника не вонзился ему в живот.

Коринфиец, увидев, с какой легкостью этот парень расправился с двумя воинами, ахнул и попытался бежать, но повелительный окрик Граттара остановил его. Видимо, мага он боялся еще больше, чем киммерийца, потому что вновь повернулся лицом к врагу и поднял меч. Бледный как полотно, он смотрел, как варвар заносит свой смертоносный клинок над его головой, и не делал даже робких движений, чтобы защититься.

– Хей! - гневно рыкнул Конан, отводя меч в сторону. - Какого Нергала ты тут стоишь? Или думаешь, что я буду убивать того, кто не сражается со мной?

Наверное, коринфиец именно так и думал, потому что не сдвинулся с места и все стоял, глядя на варвара в упор, но без вызова.

Из уст Конана вырвалось проклятье. Он и в самом деле не мог убить разбойника вот так - это было бы то же, что снести голову безоружному. Резко развернувшись, но так, чтоб краем глаза все же видеть коринфийца, Конан снова поднял меч. Сейчас его противником был Пирус.

– Ты обещал убить меня при встрече, ублюдок. Я перед тобой и жду, когда ты сдержишь свое слово!

В тот момент, когда варвар сказал последнее слово, со стороны мага вылетело что-то длинное и блестящее. Конан не успел бы уже увернуться от разящей стрелы, если б она была направлена в него. Но нет! Граттар целил в коринфийца, который оказался нерадивым охранником его плоти, а проще говоря, был самым обыкновенным трусом.

Наконечник стрелы вонзился несчастному под кадык. С хрипом он упал на песок, скрюченными пальцами пытаясь вытащить стрелу из горла. Напрасно. Через несколько мгновений жизнь его закончилась, и душа полетела по многажды проторенному другими душами пути к Серым Равнинам.

Варвар только мельком взглянул на него, а потом сразу вновь оборотился к Пирусу.

– Чего ж ты ждешь? - проревел Конан, обходя последнего бойца Граттара по дуге так, чтобы одновременно на кратчайшее расстояние

приблизиться к магу, который в этот момент, заламывая руки и закатывая глаза, читал какое-то заклинание.

– А-а-а! - с диким криком и безумными глазами кинулся на Конана Пирус, но киммериец, поймав его клинок на крестовину своего меча, левой рукой схватил противника за глотку, приподнял и, сжав пальцы, сломал ему шею.

Посмотрев на четырех поверженных телохранителей мага, Конан огляделся. Не обнаружив Ши Шелама, он заорал во всю мочь:

– Выползай, крысеныш! Клянусь бородой Крома, все кончено! - и двинулся к Граттару.

Тот, как раз заканчивая творить заклинание, начертил пальцем в воздухе какую-то фигуру и дунул в сторону киммерийца. Но ничего не произошло, и маг схватился за кинжал. Это его и погубило. Конан никогда бы не тронул безоружного, будь он хоть трижды колдуном. Но когда Граттар кинулся на него с клинком, норовя подлым обманным способом вонзить его в живот киммерийцу, тот играючи выбил стилет из его руки и нанес сокрушительный удар в голову, в результате чего маг рухнул на песок бездыханным.

Конан покачал головой, осуждая роковую глупость этого человека, наклонился к нему и освободил тело от тугого кошеля, пристегнутого к поясу. Неразменный золотой найти было трудней, но киммериец отыскал монету в потайном кармане, после чего пошел к лошадям, возле которых уже отряхивался от песка Ловкач Ши. Конан выбрал для себя самую крепкую лошадь, посадил Ши Шелама на другую, а остальных связал в караван. Через несколько мгновений они тронулись в обратный путь, весело обсуждая перспективы хорошего ужина: оба были голодны даже более, нежели вчера, когда Конан проснулся в лачуге Ловкача в скверном настроении из-за того, что ему снились колдуны.

Для стервятника, который парил над пустыней в поисках падали, нынче выдался удачный день. У трех скал он разглядел добычу, коей ему хватит надолго - если, конечно, не налетят другие.

9

По возвращению в город приятели припрятали в одном укромном месте похищенный у Граттара кошель (на черный день, который мог наступить когда только богам угодно), продали на базаре лошадей и отправились в один из самых дорогих трактиров Шадизара - "Улыбку Иштар", у дверей коего состоялось их знакомство пару лет назад.

Конан, со всем нетерпением, свойственным юным сыновьям Крома, жаждал проверить магическую монету в деле, и, кроме того, насладиться самой мыслью о том, что они надувают жирных трактирных кабанов.

Набив желудки изысканными яствами, напившись под самую завязку прекрасного ароматного вина, Ши Шелам попросил, чтобы Конан заказал еще акульи плавники в сметанном соусе. Но подавальщик, с лицом таким надменным, какое и положено иметь слугам в богатых заведениях, не принял заказ, заявив, что они с лихвой получили на один золотой, а если хотят что-либо еще, то пусть платят снова. Тогда Конан с самодовольной усмешкой полез в кошель, чтобы достать заветную монету и…

К его величайшему изумлению, кошель оказался пустым. Мысль варвара, порядком размягченная после сытной трапезы, со скрипом завертелась, но к пониманию ситуации пока не пришла.

Ловкач, заметив остекленевший взгляд Конана, глянул через его руки и тоже обнаружил, что золотой к ним не вернулся. Он нахмурил брови, бросил короткий взгляд на раздувшегося от сознания собственной значимости подавальщика, который застыл перед ними с гордо вскинутым подбородком, и тут его осенило. "Золотой потерял магическую силу на этой бесплодной земле у трех скал!"

Ши Шелам поглядел на Конана и с ужасом понял, что, кажется, сейчас получит крепкую оплеуху. За всех магов и колдунов сразу. Но варвар ограничился лишь порцией отборных ругательств, хотя и это было несправедливо по отношению к скромному скупщику краденого, после чего встал и пошел к двери.

– Конан! - пискнул вслед ему Ши Шелам.

– Я же говорил тебе, что не доверяю этим прихвостням Нергала! А ты мне не верил! - прорычал в ответ варвар.

– Но ведь есть еще кое-что! - возопил Ловкач, вытягивая из-за пояса кошель с деньгами, которые они получили за лошадей.

Юный варвар остановился и пристально посмотрел на приятеля. Лоб

его прорезали две глубоких морщины, в глазах тускло горел огонек гнева. Но постепенно чело Конана вновь стало чистым. И в самом деле, что с того, что магический золотой потерял свою силу? У них с Ши есть еще немало обыкновенных монет! Кром свидетель - Конан всегда предпочитал иметь дело с вещами, созданными руками человека, а не какими-то паршивыми заклинаниями.

Он вернулся на свое место, едва сдерживая довольную ухмылку. Одним богам известно, из чего они сотворили киммерийцев. Одно и то же происшествие почти одновременно вызывает у них и гнев и радость. Да, наверное, в глубине души Конан был даже рад, что золотой потерял свою силу. Подмигнув Ши Шеламу, он щелкнул пальцами, призывая подавальщика, и гаркнул во всю мочь:

– Вина!